

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Наталья Вениаминовна Смирнова живет и работает в Москве, но исконно она наш, свердловско-екатеринбургский, житель, автор, филолог... — так и хочется продолжить в духе прежних традиций: ...и настоящий [советский] человек с большой буквы. Об этом свидетельствует уже ее послужной список. В 1978 г. Н. Смирнова закончила филологический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького, в 1981—1984 гг. училась здесь же в аспирантуре; ее научным руководителем был Иван Алексеевич Дергачев, а это обстоятельство, должна я сказать, не случайно и крайне значимо, оно неизменно сближает всех, кто соприкасался с И. А. Дергачевым в своей рабочей, научной, социальной жизни и деятельности (мы всегда помним о том, кто дал нам «школу», мы узнаем друг друга, что называется, с ходу). Тема кандидатской диссертации Н. Смирновой завидна для филолога — «Жанр шутильной поэмы в русской литературе 1820-30-х годов». Она защищала ее в Горьковском университете и едва не осталась там на кафедре Г. В. Москвичевой. Но не осталась.

С 1986 по 2001 г. работала в УрГУ, вначале на кафедре русской и зарубежной литературы, потом — просто зарубежной, некоторые счастливицы до сих пор помнят ее лекции и темы курсовых. Итого 23 года Н. Смирнова провела в этих стенах. Провела бы и больше, и дольше: писала докторскую по эмблематике в русской поэзии XIX в., — но некто (или некто) распорядился иначе. Вместо докторской диссертации Смирнова написала и издала свою первую книгу — «Любовные истории цветов и овощей», которая в 1999 г. вышла в университетском издательстве. Потом была вторая книга — «Фабрикантша», выпущенная уже в Москве («ОЛМА-ПРЕСС», 2001). А потом... потом переезд в Москву и третья книга: «Женская азбука» (М.: Футурум БМ, 2003), причудливо собранная из разнообразных историй, когда-либо рассказанных Наталье Смирновой разными людьми и расшитых ее неповторимым голосом. Потому что рассказывать она умеет — заслушаешься, забудешь о времени, и всегда, в любой вещи узнаешь ее интонацию, полушутливую-полусерьезную, ее почерк, передающий драматизм нашей жизни и отчетливо устремленный к тому, чтобы не дать всей этой текущей «драматологии» одолеть нас, одержать верх. Смирнова — из породы победительниц, пусть даже это не очень заметно на первый взгляд. И символика, и метафорика русской поэзии, которой она занималась, и разнообразные поэмные жанры, и тонкий аналитизм ее исследовательского метода — все это никуда не делось, а лишь ушло в «подоснову» ее художественной беллетристики, образовало своего рода базовый метауровень ее, выражаясь научно, многоэтажной «творческой индивидуальности».

Рассказы Смирновой охотно публикуют толстые журналы: «Урал», «Знамя», «Новый мир». Она выигрывает в литературных конкурсах (года два назад ездила писать свою прозу в шотландский замок). У нее есть серия остросюжетных детективов о даровитом «подлеце» (в гоголевском смысле) по прозвищу Пушкин; издаются они под псевдонимом, а каким — пусть узнает сам читатель. На филфаке много талантливых людей, но не всем удастся «выйти в люди». Н. Смирновой — удалось.

Е. Созина

Н. В. Смирнова

ЛЕСТНИЦА

Вспоминая детство, Лиза спотыкалась об один и тот же сон. Обычная лестница на детской площадке, она взбирается, перехватывая прохладные синие трубки из металла, но пока она поднимает ногу, лестница растет, прибывая с каждым шагом. Ее охватывает злость, и с упорством маньяка она лезет все выше, уже выше домов, выше вокзала, стадиона, церкви, цирка, деревьев. Но налетает ветер и начинает раскачивать лестницу, размах становится все шире, от церкви до озера, которое мерцает жалкой лужицей, лестница гнется, точно ветка, и ветер в ушах все громче, и стук сердца. Она, зажмурив глаза, цепляется изо всех сил, чтобы не сорваться. Ветер внезапно стихает, наступает тишина, и лестница, выпрямившаяся как струна, начинает плашмя падать. Лиза знает, что падение будет мучительно долгим. Как бы со стороны она видит огромную синюю конструкцию, и на ее вершине — закованную ужасом фигурку.

Таких снов имелось несколько. Одно время ее волновало, видят ли другие подобное, но никаких сигналов не поступало, и, изгоняя страх, она решила считать их своей особенностью, как родинку у ключицы, неким позволением, приглашением или пропуском в отдельность, ведь далеко не каждому показывают лирические кошмары.

В двадцать восемь ей наскучила городская санэпидемстанция с нервными посетителями и желтеющими кипами бумаг. Она мечтала о другой работе, может быть, о другом городе, но жаль было оставлять маму. Лизин отец умер какой-то загадочной и страшной смертью, так что даже от одного воспоминания о нем мамино лицо становилось кривым и старым. Собственно, она ничего не хотела от Лизы, только девочку. Обязательно девочку, с которой они по воскресеньям будут ходить в церковь и разглядывать невест с венчальными свечками в бледных трепетных пальцах. Под колокольный звон они пройдут вдвоем с внучкой по кладбищенской тропинке среди репейника и огромного бурьяна, отстоят службу и поглядят на невест, а на обратном пути съедят по мороженому.

И вся твоя судьба, подумала Лиза, услышав это впервые, когда они шинковали на кухне капусту, всего лишь картинка воображения. И хорошо, если твоего, а не чужого.

Рассказы Смирновой охотно публикуют толстые журналы: «Урал», «Знамя», «Новый мир». Она выигрывает в литературных конкурсах (года два назад ездила писать свою прозу в шотландский замок). У нее есть серия остросюжетных детективов о даровитом «подлеце» (в гоголевском смысле) по прозвищу Пушкин; издаются они под псевдонимом, а каким — пусть узнает сам читатель. На филфаке много талантливых людей, но не всем удастся «выйти в люди». Н. Смирновой — удалось.

Е. Созина

Н. В. Смирнова

ЛЕСТНИЦА

Вспоминая детство, Лиза спотыкалась об один и тот же сон. Обычная лестница на детской площадке, она взбирается, перехватывая прохладные синие трубки из металла, но пока она поднимает ногу, лестница растет, прибывая с каждым шагом. Ее охватывает злость, и с упорством маньяка она лезет все выше, уже выше домов, выше вокзала, стадиона, церкви, цирка, деревьев. Но налетает ветер и начинает раскачивать лестницу, размах становится все шире, от церкви до озера, которое мерцает жалкой лужицей, лестница гнется, точно ветка, и ветер в ушах все громче, и стук сердца. Она, зажмурив глаза, цепляется изо всех сил, чтобы не сорваться. Ветер внезапно стихает, наступает тишина, и лестница, выпрямившаяся как струна, начинает плашмя падать. Лиза знает, что падение будет мучительно долгим. Как бы со стороны она видит огромную синюю конструкцию, и на ее вершине — закованную ужасом фигурку.

Таких снов имелось несколько. Одно время ее волновало, видят ли другие подобное, но никаких сигналов не поступало, и, изгоняя страх, она решила считать их своей особенностью, как родинку у ключицы, неким позволением, приглашением или пропуском в отдельность, ведь далеко не каждому показывают лирические кошмары.

В двадцать восемь ей наскучила городская санэпидемстанция с нервными посетителями и желтеющими кипами бумаг. Она мечтала о другой работе, может быть, о другом городе, но жаль было оставлять маму. Лизин отец умер какой-то загадочной и страшной смертью, так что даже от одного воспоминания о нем мамино лицо становилось кривым и старым. Собственно, она ничего не хотела от Лизы, только девочку. Обязательно девочку, с которой они по воскресеньям будут ходить в церковь и разглядывать невест с венчальными свечками в бледных трепетных пальцах. Под колокольный звон они пройдут вдвоем с внучкой по кладбищенской тропинке среди репейника и огромного бурьяна, отстоят службу и поглядят на невест, а на обратном пути съедят по мороженому.

И вся твоя судьба, подумала Лиза, услышав это впервые, когда они шинковали на кухне капусту, всего лишь картинка воображения. И хорошо, если твоего, а не чужого.

Лизу не мучили желания, не тяготило одиночество, и она не знала, что значит «ждать принца». Когда в лагере она подглядывала за целующейся на лавке парочкой, то подозревала, что когда-нибудь будет так же спокойно-любопытно разглядывать тех, кто ее младше, извивающихся на такой же лавке. Ее это не волновало, только жаль было маму, которая была счастлива до тех пор, пока Лизе не стукнуло четыре года и не погиб отец, и потому она хочет маленькую девочку, подобие Лизы, чтобы вернуться в свое канувшее прошлое.

«Матушка, матушка, что во поле пыльно...» Сударыня матушка, не трогайте меня, я проживу без венчаний и слез, думала Лиза, придавленная тоской вдовьего дома, его усталым горем и тихим, подсохшим с годами страхом утраты. Лиза так долго жила, пропитанная скорбным бесчувствием, что и сама стала бесчувственной, за что ее считали то ли бессердечной, то ли туповатой.

Однажды, это было в мае, стирая пыль с книжных полок, она уронила том Лермонтова, и он раскрылся на новелле «Тамань». «Тамань — самый скверный городишка из всех приморских городов России», — прочла она. Ей послышался стук копыт об камни мостовой. «Надеюсь, в Тамани все по-прежнему», — подумала она. Даже жизнь на окраине города Владимира тяготила, не говоря о санэпидстанции, где клубились нервные люди с бумагами, собирали комиссии, давали взятки кожаными сумками и не было минуты, чтобы подпилить сломанный ноготь. Лиза открыла «Атлас мира» и отыскала Тамань. Та и вправду оказалась где-то в стороне, на обочине мыса, и Лиза решила, что ей туда.

На вокзале она встретила своего однокурсника Славу Скворцова, который на биофаке ходил с книгой «Бунтующий человек», и он купил им два билета до Москвы в СВ вместе. Он, как и раньше, был одет в белую рубашу и черные брюки, добавилась только тонкая цепочка на высокой, как у коня, шее. И глаза были те же, лилово-карие, спокойно-диковые. Вымучивая фразы, которые не желали строиться и соответствовать, он поведал, что два года назад взял кредит, снял офис и квартиру, завел в Москве бизнес по биодобавкам, и сейчас ему нужен офис-менеджер и переговорщик. Он посмотрел на Лизу в упор.

— А Тамань? — спросила она.

— Будет еще Тамань.

Он снимал квартиру между Старым и Новым Арбатом. Та была оклеена одинаковыми, свежими и светлыми обоями, с двумя огромными комнатами на разные стороны и двумя балконами, так что весь день насвистывал ветер и колыхались тонкие шторы, а под коврами шевелился старый паркет.

«Поживи пока у меня», — сказал Слава и переоделся в шорты. Лиза первый раз увидела его необыкновенные ноги в форме амфор, с матово поблескивающими мышцами. Ноги он небрежно раскинул до середины комнаты и выглядел как победитель Олимпийских игр. Такие теперь снимаются для «Плейбоя» или уходят в педерасты, думала Лиза, пока он перебирал по ковру чуткими ногами, перелистывая журнал.

Из своего, а может, и не своего, у Славы наличествовал водитель с «ауди»,

несколько дорогих костюмов, абрикосового цвета мебель и коллекция фотографий устаревших телеведущих, начиная с Анны Шиловой и Светланы Жильцовой и заканчивая пышно цветущей розой Ангелиной Вовк.

Лиза работала много, быстро и аккуратно, так что некогда было подпилить сломанный ноготь. Получив первую зарплату, ужаснулась и отправила деньги маме.

Москва оказалась хуже, чем Тамань: всего было много, изобильно много. В Тушине она видела, как разбитные тетki, скинув печальные личины, весело попивая пиво и дымя сигаретками, сдавали безногих инвалидов в конце рабочего дня. Вся платформа была в колясках и обрубленных камуфляжных мужиках с испитыми лицами. Их было не жаль из-за количества, ведь нельзя сострадать многим.

Из-за обилия городских впечатлений она забывала краски неба и тепло лесной дороги под ногами, за фонарями не видно было звезд, из-за кондиционера не чувствовалось смены температур, и все живое, что еще оставалось в этом мире, находилось в квартире, по которой Слава разгуливал трепетными ногами коня.

Лиза сказала, что ей надо снять себе жилье, а выслушав ответ, убедилась, какие все-таки мужчины умные. Умно-экономные. Ей не надо платить за квартиру, только убирать, не надо покупать продукты, только готовить. Это удобно, сказал Слава. После ужина он сидел в своей комнате, разглядывая телеведущих, а когда совсем стемнело, постучал к Лизе и спросил: «Тебе, наверное, одиноко? Хочешь, спи со мной». Лиза встала и пошла с ним пить виски. Так отпало последнее, что их разделяло, поскольку все остальное: родной и чужой город, биофак университета, работа, дом — все им споспешествовало.

Но после этой ночи Лиза почувствовала, как лестница под ней ожила и теперь растет и шатается. Спустя неделю, когда он уснул, она включила весь свет в комнате и рассмотрела каждый изгиб, впадину, ложбинку, выпуклость, тень на его теле, чувствуя себя астрономом, обнаружившим неизвестное сияние. К чему мы привязываемся? К природе, думала Лиза, к вкусу и цвету тела, звуку голоса, запаху волос. К своему покою и уюту. Так думала она, успокаивая себя объяснением. Объяснения ей помогали. Правда, немного.

В ресторанах Слава скучал, морщился от ужимок моделей, зевал на презентации, не хотел строить коттедж, покупать машину и смотрел на это, как школьник на погремушки, снисходительно. Но однажды позвал на презентацию Ангелину Вовк и попросил Лизу сфотографировать их вместе. «В школе я был двоечником, завуч чуть не отправила меня в заведение для умственно отсталых. Мама и сейчас думает, что я погубил свою жизнь, уехав в Москву. Я пошлю ей эту фотографию».

Постепенно у Лизы набрался целый список странностей, этих внезапных послересторанных вопросов: «Зачем это все?» или «Ну хорошо, а дальше что?» Он мог просидеть на кухне всю ночь, время от времени вставая, чтобы открывать и закрывать шкафы. Что он там искал? По квартире валялись листки, исписанные его почерком. Там было грустно-непонятное: «Днем полет птиц всегда кажется бесцельным, но к вечеру движения их становятся целенаправленными. Они летят к чему-то. То же, быть может, и с людьми, достигшими вечера жизни... Бывает ли

у жизни вечер? Долго ли его ждать?» И еще: «Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку (матери), я бы не знал, что такое горе». Лиза недоумевала, потому что фразы, написанные его почерком, были не его, он не мог так хорошо писать, он был косноязычен.

Было еще путешествие по Европе пешком, когда он звонил из Бордо, Памплоны или Милана, а потом вернулся с блестящей гривой, вдвое длиннее обычной, так что волосы на ходу отлетали в сторону, и сказал: «Было так хорошо, что я испугался стать бродягой. В Европе много таких, проштатовавшихся всю жизнь». Лизе его редкие фразы, таинственные записки, раскрытые по ночам шкафы казались зашифрованными посланиями к кому-то, кто должен был их разгадать, потому что сам он не мог говорить.

Но однажды они беседовали долго. Это случилось, когда их позвали на семидесятилетие директора в «Серебряный век». Во время танцев к ним подошла дама и сказала Славе: «Откуда берутся молчаливые люди с такими степными бровями...», а Лизе почти стихами: «Вам гладкие белые ткани к лицу». Но Слава не прикоснулся к еде и только глядел, как бывший директор с умным и угрюмым лицом персидского кота выплясывал под оркестр цыганочку.

По пути домой они купили водку, селедку, лук, помидоры и прихватили из подъезда табурет, застеленный желтой газетой. Сидя за табуретом, Слава достал фотографии телеведущих, и произнес, искусно подражая вкрадчивому голосу: «А теперь послушай сказку, малыш... Меня воспитывал телевизор. Эти женщины служили идолу, я служу золотому тельцу. Их сыновья выросли и пьют горькую, крадут хрустальные вазочки, продают их медали за доблестный труд, вымогают пенсии. Хочется им как-то помочь, но кто я такой, чтобы помогать этим глупым благородным красавицам? Хотел стать европейским человеком, а стал выщипанным газоном». Он выпил не поморщившись и добавил: «Стариться и умирать по-едем во Владимир. Тут оставаться нельзя — кердык, цыганочка с выходом. Директора видела?»

Да, согласилась Лиза. Старики во Владимире не пляшут, а починят лавку, отскребут стол во дворе и тихо режутся в домино. Куда-то пропала обычная жизнь, выпала, как клубок из корзины, закатилась под диван и пылится там незаметно, никому не нужная. Вчера заходил болгарский торговый агент, вздохавший, какой большой и красивый город Москва. Здесь столько людей, сколько нет в его маленькой стране, но он все-таки нашел на рынке торговца болгарскими помидорами и долго на них смотрел. И ходил к поезду «Москва — София» в надежде услышать родную речь, а живет он так себе, как остров он живет в большом и прекрасном городе. Сама Лиза останавливается на улице, когда вдруг заметит в арке огромного дома цветущее дерево. Простое дерево, как напоминание, но немного заносит сердце, как по близкому человеку, о котором скучаешь. Она глядела на Славу и понимала уже почти все. Привязываешься к телу, а любишь душу. Все чувствуешь, все признаешь, ни в чем не сомневаешься.

Вот я, думала Лиза, никогда не сделаю шагу, если не вижу, что под ногой, а он может вести машину в тумане, во тьме, без единого фонаря. Заходит в кабинет, открывает ежедневник, звонит, смотрит накладные, сводки, отчеты, считает на калькуляторе, соглашается и подписывает или не соглашается и не подписывает, быстро пьет чай, звонит, едет. Как все. Но все трудятся, нервничают, суетятся, напрягают жилы. А ему стоит только появиться — и стены расступаются, точно он из другого сделан, из какой-то легкой, прочной материи. Но она же его и мучает. Это плата за легкость? Сколько у нее в жизни не получалось, а не получалось ли хоть что-нибудь у него? Слишком быстро он живет. Другие шагают, поднимают ноги, а он летит, и только тонкий свист в ушах от проносающегося воздуха. И чувствуешь, как в кустах, поднимая пыль, уже за клубился ветер, как он поднимается вверх и принимается расшатывать лестницу, и между точками ее размаха все ширится пропасть, а вас наверху уже двое, и к страху добавляется тревога и колющая боль за другого.

Не привыкнув жить в опасениях, Лиза старалась отвлечься. То варила кофе со щепоткой соли, корицей и гвоздикой, то покупала для кухни плетеные стулья из светлой ивы, то выбирала элегантные сумочки или готовила свинину под ананасовым соусом, то занималась Славиными рубашками и галстуками и даже завела на работе щебечущих собеседниц, хотя знала, что их не любят. Они чужие, вот и все. Иногородные. И, как подтверждение этой неприкаянности, нашлась его очередная записка: «Самая естественная склонность человека — губить себя и вместе с собою весь мир. Сколько непомерных усилий, чтобы остаться просто нормальным!» Картонная фраза обдала Лизу холодом, у нее опустились руки, потому что Слава и раньше, глядя на ее старания, улыбался, задумчиво жевал куриные салаты с черносливом, и один раз сочувственно спросил: «Может, ты хочешь записаться м-м... в кружок вязания?» По-своему, он о ней заботился, хотя как-то обидно. Она не сумела одолеть его молчания и постоянно тревожилась и грустила, а после «кружка вязания» упивалась, если видела, что девушки из офиса смеются ему в спину. Когда насмеются над самым дорогим, можно испытывать странную радость.

Ничто в их жизни не предвещало дурного, наоборот, дела шли все лучше, обороты росли вместе с прибылью, и только немо тосковала его душа, закручивая Лизу в воронку тоски по несбыточному. Большинство утешается, когда имеет то, что имели они, но он был не из этих.

Самое плохое было то, что Слава перерегистрировал на нее фирму, а лишних движений за ним не водилось.

Спустя год, зимой, на заледеневшем городском пруду изнасиловали шестидесятилетнюю женщину, а спустя неделю пострадавшая узнала обидчика в господине из зеленой «ауди» и, запомнив номер, пошла в милицию. Он не отрицал своей вины, вел себя кротко, и женщина-следователь отправила его на экспертизу, подтвердившую психическую вменяемость. Лиза встречалась с потерпевшей, и та затверженно повторяла: «С особым цинизмом, с особым...», но лишь на суде, по-

багровев до ржавчины твердым, как лопата, лицом, повторила то, что показала на следствии.

Что ответчик, изнасиловав ее прямо на льду, лег рядом, взял за руку и спросил, любит ли она его. На что потерпевшая ударила его сумкой по лицу и убежала.

Заскочил водитель и забрал себе дорогие костюмы, что подошли ему по размеру, кроме длины штанин. Приехала Славина мама и отправила абрикосовую мебель контейнером во Владимир. Фотографии телеведущих Лиза выбросила. Когда не стало видно пролысин и отросли волосы, что она выстригла себе на голове клоками в тот день, когда обо всем узнала, она продала фирму конкурентам и уехала во Владимир.

В апреле у ней родилась девочка, вначале с фиалковыми, как у всех младенцев, а потом каре-лиловыми глазами. Все произошло, как по-писаному: девочка, колокольный звон, церковь, невесты, мороженое. Мамина мечта сбылась, но, когда внучка должна была пойти в школу, вернулся Слава и они уехали в Тамань. В их городе эта история наделала слишком много шума, и Лизе удивлялись все семь лет, пока она его ждала. А о любви они никогда не говорили, точно ее на свете не было, и за эту бесчувственность Лиза винила себя семь лет.